

ма популярные в широких слоях общества идеи, которые проповедовались римскими стоиками еще со времен ранней империи, о необходимости сохранять достоинство и самоуважение при любых неблагоприятных внешних условиях (Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975, с. 198; Она же. Эпиктет и его место в римском стоицизме, с. 198; Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 86—98).

¹² О том, что Сидоний довольно часто проявлял политическую беспринципность, указывают многие биографы Сидония (см., напр.: Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний..., с. 159—160, 163—164, 176, 177, 187, 197, 206, 213, 224—225, 244—245, 285, 318—319, 322—329, 325—334; Голенищев-Кутузов И. Н. Влияние латинской литературы..., с. 72—73; Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI вв. Источники. Пермь, 1973, ч. 1, с. 39—41; Loyen A. Sidone Apollinaire et l'esprit..., p. 38—45).

¹³ Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. Пер. с нем. С. Н. Булгакова. М., 1918, с. 159; Gaudemet J. L'Eglise dans l'Empire Romain (IV—V siècles). Paris, 1958, p. 350—356, 497—506.

¹⁴ Об эволюции понятия «res publica» см. в кн.: Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима, с. 38, 84—85.

В. В. КУЧМА
Высшая школа МВД СССР

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Будучи одной из форм общественного сознания, политическая идеология наиболее полно и непосредственно выражает коренные материальные интересы составляющих данное общество классов. Эти интересы, формулирующиеся по отношению к самым различным сторонам общественного бытия, не ограничиваются лишь сферой внутривнутриполитических проблем. В качестве важнейшей составной части в политическую идеологию оказываются включенными и классово-осознанные отношения к другим обществам и государствам.

Свое конкретное воплощение интересы господствующего класса находят в проводимой им политике, которую В. И. Ленин определял как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»¹ Идеология господствующего класса и осуществляемая им политика состоят в тесной, неразрывной связи и взаимообусловленном соотношении. Вследствие этого идеология неизбежно приобретает политический характер, в свою очередь, все проявления политической деятельности идеологически обусловлены.

Как известно, отношения между классами и различными национальными образованиями внутри государства составляют сферу внутренней политики; отношения классов и национальных образований на международной арене охватываются понятием «внешняя политика». Внутренняя и внешняя политика

данного государства состоят в органическом единстве: «противопологать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»². Оказывая взаимное воздействие друг на друга, диалектически меняясь местами в качестве причины и следствия, оба эти направления государственной политики имеют своей конечной задачей обеспечение и укрепление власти господствующего в данном обществе класса.

Методы осуществления классового господства в двух названных сферах политических отношений могут характеризоваться значительным разнообразием применяемых приемов и средств. Одним из важнейших инструментов политики в области межгосударственных отношений на протяжении всей истории развития классового общества являлась война. Будучи по своему происхождению продуктом развития социальных антагонизмов, война являлась одним из специфических и эффективных способов их разрешения.

Неразрывная связь политики и войны является особенно тесной. «Всякая война,— указывал В. И. Ленин,— нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»³. Господствующий класс располагает всеми средствами идеологического воздействия на массы, чтобы представить в нужном для себя свете собственную позицию в отношении данной войны: либо обосновать ее общезначимый характер, поставив эту войну в связь с судьбами всего общества, вплоть до перспективы самого его существования, либо придать военному конфликту роль случайного, преходящего эпизода на фоне гораздо более важных общественных проблем. В зависимости от этого совершенно различный по масштабам и направленности характер приобретают мероприятия государства по экономическому, дипломатическому, идеологическому обеспечению военных кампаний.

Правящий класс использует аппарат своего политического господства для выработки основополагающих принципов военной доктрины. Последняя, как известно, представляет собою совокупность выработанных политическим руководством государства официальных взглядов и положений, определяющих: 1) характер и направление строительства вооруженных сил страны; 2) принципы подготовки к войне как вооруженных сил, так и страны в целом; 3) способы и формы ведения войны, вытекающие из классового существа государства и определяемые достигнутым уровнем производительных сил⁴.

Политика определяет классовую сущность войны, ее цели и способы их достижения. Политика пронизывает все три

составные части военного искусства, каковыми являются стратегия, оперативное искусство, тактика. Наконец, сугубо политический характер имеют принципы военной науки, разрабатывающей теоретические основы и практические рекомендации по всем основным проблемам военного дела.

Византийская военная наука представлена значительным количеством первоклассных по профессиональному уровню сочинений, которые являются выдающимися памятниками политической мысли своей эпохи. В первом ряду таких сочинений стоит «Стратегикон Маврикия». Анализ основных военно-доктринальных концепций этого произведения (с попыткой выяснения как их истоков, так и позднейшей эволюции) составляет содержание настоящей статьи.

Одной из спорных проблем «Стратегикона» продолжает оставаться проблема его авторства. Для избранного нами аспекта исследования она приобретает чрезвычайно важное, даже определяющее значение: если проблема авторства будет решаться в пользу императора Маврикия (582—602 гг.), тогда уровень репрезентативности изложенных в трактате концепций должен признаваться максимально высоким, вследствие чего их соответствие официальной идеологии должно рассматриваться как адекватное. В предыдущих работах⁵ мы стремились обосновать тезис об императорской принадлежности автора «Стратегикона», в полной мере сознавая весьма обязывающий характер такой идентификации.

Период, переживаемый империей накануне царствования Маврикия, характеризуется крайней внутренней нестабильностью, состоянием «универсальной деморализации», охватившей все византийское общество⁶. Реформаторская деятельность Маврикия, затрагивавшая самые разнообразные сферы общественной жизни (социальные отношения, религиозную политику, административный аппарат, финансы, армию), свидетельствовала об отходе от диоклетиановской системы управления. Основанная на принципе бюрократического централизма, эта система продемонстрировала свою несостоятельность еще при Юстиниане. Однако реставрационные устремления юстиниановского правительства, направленные на воссоздание деспотической рабовладельческой империи мирового масштаба, временно снимали вопрос о коренной перестройке диоклетиановской системы. Глубочайший кризис, поразивший империю при преемниках Юстиниана, сопровождался крахом всех предшествующих государственно-правовых концепций. В связи с этим политическая мысль ранневизантийской эпохи получила другое, весьма определенное направление — ее главным содержанием стало идеологическое обоснование новых, объективно складывающихся социальных отношений, базирующихся на принципе децентрализации.

Оставляя в стороне общие проблемы развития ранневизан-

тийской политической мысли послеюстиниановской эпохи, мы сосредоточим свое внимание лишь на той сфере ее проявления, которую составляло военное дело. Сразу отметим, что военная область не является самой показательной для демонстрации новых веяний в политической идеологии: принципы военного дела в период античности и раннего средневековья обладали высокой степенью консерватизма, поскольку тесная преемственность в накоплении и передаче знаний составляла квалифицирующий признак военной науки. Поэтому все новые моменты, относящиеся к разряду чистой военной технологии и в особенности имеющие доктринальный характер, оказывались многократно опосредованными целыми пластами военно-научной информации, накопленными предшествующими поколениями, но продолжающими сохранять свое значение. Что же касается конкретно основополагающего принципа политической идеологии послеюстиниановского периода — принципа децентрализации, то в рассматриваемой нами сфере он, разумеется, не мог получить наиболее показательного развития — это объясняется самой спецификой военного дела, всегда требующего централизованного руководства. Тем не менее, состояние военной организации, отраженной в «Стратегиконе», дает достаточный материал для выводов об идеологической сущности современной Маврикийю военной доктрины.

Как уже отмечалось, кризис послеюстиниановского общества приобрел универсальный, всеобъемлющий характер — как по горизонтали, с позиции охвата всех существовавших общественных структур, так и по вертикали — с точки зрения глубины затронутых кризисом составных элементов каждой из этих структур. В частности, оказалась в состоянии полного упадка вся военная организация, основанная на принципе наемничества. Глубине и масштабам краха старой военной системы соответствует по размаху и грандиозности программа строительства вооруженных сил империи на новой основе, сформулированная в «Стратегиконе Маврикия». Новая социальная база армии в лице свободного земледельческого населения империи; новая тактика, построенная на боевом использовании формирующегося прогрессивного самостоятельного рода войск, каким являлась тогда кавалерия; новые принципы профессионального обучения воинов и командиров, основанные на творческом использовании боевого опыта как собственной армии, так и армий потенциальных противников Византии; новые способы и приемы воздействия на моральный дух войска с привлечением методов религиозного воспитания — вот главные составные части военной программы «Стратегикона».

Заслуживают анализа общие взгляды автора «Стратегикона» на проблему войны и мира, на идеологическую сущность современной ему военной политики империи.

Обращает на себя внимание отсутствие в «Стратегиконе»

той резко отрицательной оценки войны, которая содержалась в сочинении его предшественника, анонимного автора VI в., который характеризовал войну как «крайнее зло и воплощение всего дурного»⁷. Поскольку война может принести только тяжести и страдания, Аноним рекомендует всемерно и до последней возможности уклоняться от вступления в нее и всегда предпочитать мир, даже если он связан с ущербом для империи⁸. Решаться на войну следует лишь в крайнем случае, предварительно позаботившись о безопасности не только войска, но и всего населения империи⁹, — следовательно, на ведение войны «малой кровью» и на чужой территории рекомендуется вообще не рассчитывать. Весь материал, рассмотренный в данном трактате, соотнесен с ситуацией, когда византийское войско должно обороняться от врага, вторгнувшегося на территорию империи. Имеются лишь два сюжета, где упоминается факт пребывания византийского войска на вражеской земле¹⁰, причем вторжение на территорию неприятеля имеет характер имитации и представлено автором как маневр, который обязал бы противника вывести войска с византийской земли¹¹. Как нетрудно заметить, в военно-стратегической концепции Анонима явно преобладают защитные, оборонительные компоненты; он целиком поглощен разработкой рекомендаций в духе стратегии ответного удара. Причина именно такого подхода автора к решению указанных проблем кроется в общем характере внешнеполитической ситуации, в которой оказалась империя к концу царствования Юстиниана, когда она была вынуждена перейти к глухой обороне по всей линии границ. Господствующая идеология, маскируя истинное положение дел, взяла на вооружение концепцию неприятия войны, которая была призвана обосновать вынужденную, единственно возможную в тех обстоятельствах оборонительную доктрину. Что же касается самой этой концепции, то она отнюдь не является изобретением Анонима — ее истоки восходят еще к Платону¹².

Взгляды Маврикия на рассматриваемую проблему лишены такой односторонности. Война и мир рассматриваются им как состояния, в равной степени заслуживающие право на существование. Такой подход в полной мере отражал диалектику внешнеполитического положения империи на рубеже VI — VII вв.: поражения византийского оружия в достаточно полной мере компенсировались его успехами, так что общий стратегический итог был близок к ничейному балансу. В господствующей идеологии не было перевеса ни за концепциями глухой обороны, ни за программами открытой экспансии; имело место обычное для Византии балансирование на грани войны и мира, которое впоследствии в «Тактике Льва» было определено как состояние, когда уже «не господствует мир, но война еще не проявилась с очевидностью»¹³. Диалектическая связь состояний войны и мира, сформулированная Платоном в виде сентенции: «Серьез-

ные вопросы, связанные с войной, надо хорошенько упорядочить ради мира»¹⁴, была позднее трансформирована в военной теории в известный афоризм: «Хочешь мира — готовься к войне». Вероятно, через посредство Вегеция¹⁵ эта формула была воспринята и Маврикием: «Стратиг, который стремится к миру, должен быть готовым к войне»¹⁶.

В военной доктрине, исповедуемой Маврикием, нет отчетливого преобладания ни оборонительного, ни наступательного компонента. Исходя из характера внешнеполитической ситуации (в достаточной степени сбалансированной), официальная идеология ориентировала армию на возможность ведения как оборонительной, так и наступательной войны против любого противника, в различных условиях места и времени. В трактате прямо говорится о том, что война может вестись как на своей собственной, так и на вражеской земле¹⁷, а ромейское войско может либо победить, либо оказаться побежденным¹⁸. При этом следует особо подчеркнуть, что такой универсальный подход отнюдь не наносил ущерба конкретности и целенаправленности военной подготовки. Высокий профессионализм автора, сочетание широкой общетеоретической подготовки с предметным знанием практики военного дела, большой опыт личного участия в боевых операциях позволили ему создать произведение, которое является одновременно и энциклопедией военных знаний, и практическим руководством, рассчитанным на непосредственную реализацию.

Изменившаяся во времена Маврикия социальная база византийской военной организации вызвала к жизни совершенно иные, чем прежде, способы ее комплектования, профессиональной подготовки, идеологического воспитания. Мы не будем сейчас заниматься детальным разбором отраженных в «Стратегиконе» методов профессионального обучения рядового и командного состава византийской армии, этих проблем мы неоднократно касались в предыдущих работах. Тематика настоящей статьи обязывает нас обратиться к анализу рекомендованных Маврикием приемов воздействия на морально-политическое сознание военнослужащих.

Естественно, что во времена Маврикия морально-политический фактор в армии формировался и мерами чисто дисциплинарного воздействия — без этого вообще немислима военная организация любого народа в любой исторический период. Бросается в глаза та свойственная Маврикию обстоятельность, с которой он подошел к решению этой проблемы: он включил в свой трактат особый военно-дисциплинарный кодекс, вменив в обязанности командиров всех рангов ознакомление с ним своих подчиненных. Этот кодекс, составляющий содержание трех специальных глав 1-й книги «Стратегикона»¹⁹, включал уголовно-правовые нормы, регулирующие поведение военнослужащих на различных стадиях военной кампании. Прямых аналогий с

предшествующей военно-исторической традицией установить невозможно, поскольку более ранние военные трактаты таких специальных разделов не содержали, хотя сами нормы были известны в армейской практике за много столетий до Маврикия. Гораздо нагляднее влияние военно-уголовных норм «Стратегикона» на последующую традицию²⁰.

Насаждаемая в армии воинская дисциплина должна была воспитать в подчиненных беспрекословное подчинение своим командирам. Из предшествующих военно-теоретических руководств наиболее полную разработку данного сюжета мы встречаем в трактате Фронтинана, римского автора конца I — начала II в. н. э. Вопрос о связи сочинений Фронтинана и Маврикия в литературе не только не решен, но даже еще и не поставлен — это задача дальнейших специальных исследований. Но уже сейчас можно утверждать факт заметного влияния идей фронтинанских «Стратегем» на «Стратегикон» (возможно, через копирующуюся посредством Вегеция).

Воспитанный в духе традиционных устоев римской армейской дисциплины, Маврикий очень болезненно воспринимает упадок этой дисциплины в современном ему войске. Вместе с тем, он вполне отчетливо сознает, что происходящее на его глазах «изменение солдатского материала»²¹ требует более разнообразных методов воздействия на армию.

Маврикий глубоко понимает эффективность методов прямого физического воздействия на солдатскую массу в тех случаях, когда она выходит из предписанного ей состояния беспрекословной подчиненности. В историографии уже был отмечен факт исключительного внимания Маврикия к проблеме армейских мятежей и бунтов — оно является далеко не случайным. Конец VI — начало VII в. отмечены волнениями, потрясавшими вооруженные силы империи, в особенности дунайскую армию, обеспечивавшую защиту северо-западного фланга Византии против аваров и славян. Напомним, что первый толчок к движению, приведшему к свержению императора Маврикия, дало именно возмущение дунайской армии.

Сосредоточенные в большом количестве в одном месте, пишет Маврикий, солдаты всегда находятся в состоянии повышенной возбудимости, даже если и не предстоит бой²². Единственное средство снять это возбуждение заключается в том, чтобы обеспечить максимальную занятость воинов постоянными воинскими упражнениями. Если предшествующие военные авторы полагали, что праздность воинов имеет своим отрицательным последствием лишь дисквалификацию их в профессиональном отношении²³, то Маврикий устанавливает прямую логическую связь между праздностью солдат и случаями их открытого неповиновения командованию. Любопытный ракурс проблемы мы встречаем в книге, посвященной обороне и осаде укрепленных пунктов. Маврикий рекомендует привлекать к обороне города

местных жителей, преследуя при этом не столько цель увеличить число защитников, сколько пресечь заговоры и бунты среди гражданского населения осажденной крепости²⁴.

Если все же бунт стал фактом, Маврикий рекомендует действовать весьма решительно, не останавливаясь перед самыми жестокими методами подавления бунтовщиков, в первую очередь — зачинщиков²⁵. В отношении же остальных солдат следует проявить благоразумную осмотрительность, ибо одинаковость наказания может лишь усилить недовольство. Здесь важно соблюсти необходимое чувство меры: стратиг должен быть в той же степени строг при расследовании проступков воинов, в какой он снисходителен при наложении взысканий²⁶. Маврикий в полной мере разделяет идею Фронтинана о том, что в мирное время дисциплина воинов в большей мере обеспечивается взысканиями, тогда как в военное время их послушание питается в первую очередь доверием к командиру и надеждой на получение наград²⁷. Однако он не склонен безоговорочно разделять идею Фронтинана о том, что армия должна больше бояться «(своего) главнокомандующего, чем неприятеля»²⁸. Ему больше импонирует мысль, впервые сформулированная Онасандром²⁹: излишний страх перед стратигом, вследствие его непомерной строгости, вселяет в войско ненависть, излишняя же снисходительность — презрение к нему³⁰.

У Маврикия мы встречаем рекомендации, которые было бы трудно, даже невозможно представить себе у Фронтинана. Речь идет об организации таких мероприя­тий, которые в современных армиях относятся к разряду политико-воспитательных. Маврикий указывает, что стратиг должен проявлять отеческую заботу о солдатах, чаще беседовать с ними, употребляя ласковые слова, доступные их пониманию³¹. Ему не следует уклоняться от труда, он должен работать наряду с другими — вследствие этого солдаты будут охотнее подчиняться ему, стыдясь собственной неисполнительности³². Заслуживает одобрения тот стратиг, который тратит мало времени на еду и сон, но отдает всего себя размышлениям и заботам о благе и безопасности своих подчиненных³³. В свободное от военных занятий время Маврикий рекомендует собирать воинов по отдельным подразделениям и проводить с ними беседы воодушевляющего характера, в ходе которых напоминать славные воинские традиции предков, внушать воинам уверенность в победе, обещать от имени главнокомандующего награды наиболее отличившимся³⁴.

Подобный подход Маврикия к идеологическому, морально-политическому воспитанию воинов объясняется изменившимся социальным составом армии. «Стратегикон» фиксирует начальную стадию процесса фактической национализации армии, вследствие чего претерпевала изменения и военная доктрина в той ее существенной части, которая касается принципов стро-

ительства вооруженных сил и подготовки их к ведению военных действий.

Материал «Стратегикона» дает основания для вывода о том, что на рубеже VI — VII вв. определенные перемены претерпевает официальная идеология в подходе к решению этнических проблем. Содержащиеся в трактате сведения на этот счет могут быть сгруппированы в три основных комплекса: 1) отношение к народам, являющимся действительными или потенциальными противниками империи; 2) отношение к военным союзникам, постоянным или временным; 3) взаимоотношения между различными этническими группировками, проживающими в империи и представленными в ее вооруженных силах.

Этнографическая информация «Стратегикона», сосредоточенная в основном во II книге, уже была объектом специальных исследований³⁵. Четыре главы II книги посвящены характеристике военных обычаев персов, «скифов» (к ним Маврикием отнесены авары и другие «гуннские народы»), «рыжеволосых народов» (франков, лангобардов и им подобных), а также славян и антов. Логика авторских рассуждений не оставляет сомнений в том, что именно эти народы рассматривались официальной идеологией в качестве самых опасных военных соперников империи; в историографии остается дискуссионным лишь вопрос о том, какой из названных народов представлял наибольшую опасность — здесь мнения исследователей разделяются между славянами и персами.

Принципиально новым моментом, отличающим военно-политическую концепцию Маврикия от воззрения всех его предшественников, является признание им необходимости учиться у противника. Ушли в прошлое представления о том, что военное искусство является монополией ромеев, а другие народы лишены его полностью и потому их военный опыт не заслуживает никакого внимания. Характерно, что Маврикий описывает боевые обычаи других народов не с одной лишь целью выработать в собственной армии средства их нейтрализации в предвидении будущих столкновений. Его задачи рассчитаны на более длительную перспективу: он отбирает те элементы боевого опыта других народов, которые могут быть теоретически осмыслены и в дальнейшем использованы для усиления собственной армии. Следовательно, представляется возможным говорить даже не об одном, а по крайней мере сразу о двух аспектах анализа Маврикием современного ему этнографического материала — негативном, направленном на противодействие, и позитивном, имеющем целью активное восприятие.

Предшествующая историография рассматривала военно-этнографическую информацию «Стратегикона» исключительно в первом аспекте. Между тем, в трактате неоднократно упоминается о том, что многие прогрессивные элементы вооружения и снаряжения, передовые тактические приемы византийцы заим-

ствовали у варваров. Так, у авар заимствуются кавалерийские копья с ременной петлей посередине (для увеличения дальности полета копья)³⁶, специальные прикрытия для защиты шей у лучников³⁷, общий покрой одежды для всадников³⁸, конструкция лагерных палаток³⁹, элементы конского снаряжения⁴⁰, двухлинейное (или даже трехлинейное) построение боевого порядка⁴¹. У нефталитов (одно из гуннских племен) рекомендуется заимствовать способ заманивания неприятеля в замаскированные рвы⁴². Искусству стрельбы из лука следует обучаться у персов⁴³. По описанию Маврикия тяжеловооруженная пехота вооружена герульскими мечами⁴⁴, одета в готские туники и обуви в готские башмаки⁴⁵. Что же касается верхней одежды, то здесь использование болгарских накидок типа плаща признается нецелесообразным⁴⁶.

Маврикию хорошо известны специальные воинские упражнения, используемые в практике варварских народов,— скифские, аланские, африканские, италийские, иллирийские, их подробное описание составляет целую книгу трактата⁴⁷.

Таким образом, варварский мир в описании Маврикия — это уже не пассивный объект воздействия со стороны империи, это комплекс, обладающий как относительной самостоятельностью, так и определенными внутренними ценностями, анализ которых может представить утилитарный интерес для военной организации ромеев. Признание (скорее всего, вынужденное) именно такого объективно сложившегося порядка вещей составляет существо нового подхода Маврикия к оценке военных соперников империи.

Еще со времен Платона официальная идеология разделяла военные конфликты на два основных вида — собственно войну (*polemos*) и так называемый «раздор» (*stasis*)⁴⁸. Под войной понималось вооруженное столкновение с каким-либо варварским народом; «раздором» именовались конфликты между греческими античными полисами. Естественно, что приемы ведения военных действий в названных двух случаях оказывались существенно различными: в войне признавались приемлемыми все способы, вплоть до самых вероломных; «раздор» предполагал более уважительное отношение к сопернику.

Разумеется, во времена Маврикия эти платоновские идеи не могли проявляться в чистом виде. Тем не менее, в мировоззрении Маврикия укоренилось представление о том, что общий уровень цивилизации народа является главным критерием оценки его военной организации. Вместе с тем, степень военной опасности данного народа для империи не ставится Маврикием в прямую логическую зависимость от уровня его цивилизованности. Так, о персах вначале говорится в гораздо более уважительном тоне, чем о славянах: если последним свойственна анархия и полное отсутствие какого-либо боевого строя⁴⁹, то персы «подчиняются архонтам» и ведут войну в соответствии

с требованиями военного искусства⁵⁰. Однако эти исходные установки претерпевают в дальнейшем изложении значительную метаморфозу. Маврикий так подробен в анализе военных приемов славян и скрупулезен в рекомендациях по их противодействию, что не остается никаких сомнений, что он признает этих «прозябающих в анархии» варваров ничуть не менее серьезными военными противниками, чем «цивилизованных» персов.

Установленные Платоном различия в приемах ведения войны и «раздора» Маврикию хорошо известны. Однако отсутствие практики таких конфликтов в современной действительности в их чистом виде привело Маврикия к причудливому смешению представлений о том, как следует и как не следует вести себя по отношению к врагу.

В тех случаях, когда военные соперники конкретно не персонализированы, рекомендации Маврикия оказываются весьма противоречивыми, иногда диаметрально противоположными. Дело в конечном счете объясняется характером тех источников, которые положены Маврикием в основу того или иного раздела своего трактата. Как было показано нами ранее⁵¹, 8-я книга «Стратегикона» воспроизводит идеи, восходящие к сочинениям Онасандра и Вегеция. Общий тон повествования проникнут уважением к военному сопернику: обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения, унижающего его достоинство, даже если вражеское войско меньше по численности⁵². Победа над неприятелем не исключает обязанности внимательно выслушать и изучить его предложения об условиях мира⁵³. Настоятельно рекомендуется никогда не нарушать клятвы, данной неприятелю⁵⁴, твердо соблюдать все взятые на себя обязательства⁵⁵.

В других разделах трактата, находясь под влиянием других источников, Маврикий высказывает рекомендации, расходящиеся с идеями 8-й книги, особенно в тех случаях, когда византийское войско потерпело поражение в предыдущем сражении. Пока нельзя провести повторное сражение и переломить неблагоприятный ход событий, он советует всячески выигрывать время, тщательно соблюдать условия договора, предварительно обменявшись заложниками или клятвами⁵⁶. При этом вовсе не обязательно доводить до сведения рядовых воинов точное содержание условий договора: командование вправе интерпретировать его по своему усмотрению, преувеличивая тяжесть диктуемых противником условий. Тем самым можно добиться более тесного сплочения войска вокруг своего командования, возбудить в нем стремление скорее преодолеть состояние деморализации и добиться победы в повторном сражении⁵⁷. Если же положение ромейского войска прочное и переговоры начаты по предложению его командования, следует взять инициативу в свои руки, поставив дипломатию на службу военным интересам. В ходе переговоров нужно усыпить бдительность вражеских послов льстивыми речами, а когда они отбудут, тайно по-

следовать за ними и атаковать неприятеля, не ожидающего нападения⁵⁸. Можно поступить иначе: направить к врагам собственных послов, которые должны дезориентировать их миролюбивыми предложениями, а затем, улучив момент, совершить нападение, когда переговоры еще продолжаются⁵⁹. Характерно, что две последние рекомендации содержатся в 9-й книге, посвященной характеристике неожиданных («нечаянных») нападений,— книге, являющейся одной из самых самостоятельных в трактате. Отдавая дань предшествующей традиции, Маврикий хорошо знал и армейскую практику. Он являлся современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны насмерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми. В описании Маврикия собственно военные действия и дипломатические средства являлись единым комплексом мер, обеспечивавшим победу над противником, и цена этой победы складывалась из предательства и вероломства⁶⁰ так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения.

В процессе планирования военной кампании стратегию приходилось решать вопрос о союзниках. О них в трактате Маврикия говорится более подробно, чем в других, более ранних военных руководствах. По отношению к союзникам Маврикий рекомендует проявлять разумную осторожность: не следует снабжать их оружием, пока нет убежденности в их безусловной лояльности⁶¹. Формируя армию, не нужно допускать, чтобы численность войск союзников превышала собственно ромейские формирования,— в противном случае существует опасность заговора и военного мятежа. Такая опасность будет меньшей, если союзники будут состоять из различных этнических групп: в этом случае им будет труднее предпринять какое-либо злодеяние⁶². В ходе военной кампании подразделения союзников должны совершать передвижения отдельно от ромейских войск; их лагерные стоянки также должны быть обособлены. Маврикий рекомендует скрывать от союзников собственные способы построения, приемы и методы ведения войны, поскольку не исключено, что в будущем нынешние союзники могут оказаться врагами⁶³. Вместе с тем стратег должен демонстрировать союзникам свое полное расположение: к ним нужно относиться так же справедливо, как и к собственным воинам, и поощрять их хорошую службу подарками и вознаграждениями⁶⁴.

Можно прийти к заключению, что во времена Маврикия проблема союзников занимала весьма важное место в армейской практике — это зависело от характера внешнеполитической ситуации. Противопоставленная всему варварскому миру, империя была вынуждена вести сложную дипломатическую игру. Своих союзников в борьбе с варварами Византия искала и находила среди самих варваров. Варварский мир тоже не был единым: он раздирался глубокими внутренними против-

речиями. Состояние войны и мира менялось с калейдоскопической быстротой: вчерашние друзья Византии становились ее смертельными врагами, бывшие враги ее мирились с нею перед лицом новых соперников. Иногда союзническая помощь могла решить судьбу военной кампании: Маврикий упоминает ситуацию, когда ромейское войско оказалось разбитым и стратег оттягивал момент повторного сражения, рассчитывая на прибытие подкреплений со стороны союзников⁶⁵. Но в общей военно-стратегической концепции византийцев на рубеже VI — VII вв. союзники занимали второстепенное место: опыт учил, что на них нельзя было полагаться всерьез. Поэтому становится понятной та настороженность, которой окрашены все рекомендации Маврикия по поводу взаимоотношений ромеев с союзниками.

Крайне неоднородным в этническом плане являлось во времена Маврикия и собственно византийское войско: это объективно отражало многонациональный состав населения империи. В трактате неоднократно упоминаются случаи, когда в армии оказываются представители того народа, с которым империя в данный момент ведет войну. Еще накануне сражения одноплеменников неприятеля следует под благовидным предлогом переправить в другое место, чтобы пресечь возможность их измены⁶⁶. Иноплеменники, которым дозволяется участвовать в сражении (в одном из эпизодов прямо названы иллирийцы⁶⁷), должны располагаться строем, свойственным им по обычаю.

В качестве одного из средств консолидации разноплеменных элементов в составе вооруженных сил официальная идеология рассматривала единое средство управления войсками — латинский язык. Латинскими терминами обозначались все военные должности и армейские службы, все элементы вооружения и снаряжения, все составные части боевого порядка, вся армейская символика и атрибутика. На латинском языке отдавались все приказы и распоряжения, формулировалась диспозиция марша, лагерной стоянки, полевого сражения. Одним словом, латинская терминология определяла всю повседневную жизнь византийского воинства на любом этапе армейской службы — как в мирное, так и в военное время.

Во времена Маврикия указанное средство консолидации армии уже в значительной мере исчерпало свои возможности. «Стратегикон» представляет собою важнейший рубеж в процессе перехода от латинского языка к греческому как официальному языку империи. И главная причина этого перехода кроется опять-таки в изменяющейся социальной базе военной организации, в привлечении к военной службе широких слоев населения, среди которых греческий язык служил средством общения еще с IV в. Проникновение греческого языка в армейскую практику зафиксировано и в самом «Стратегиконе». Так, в трактате подчеркнуто, что мандаторы, передающие распоряжения командования непосредственно войскам, кроме латин-

ского, должны владеть и греческим языком⁶⁸. Еще существеннее другое указание Маврикия: текст военно-дисциплинарного кодекса, знание которого вменено в обязанность каждого военно-служащего, должен быть оглашен как на латинском, так и на греческом языке⁶⁹. Окончательная легализация греческого языка в сфере государственного управления (а, следовательно, и в армии) произошла, как известно, при Ираклии, т. е. в период, ближайший ко времени создания «Стратегикона»⁷⁰.

Другим мощным фактором консолидации вооруженных сил, который, напротив, при Маврикии только набирал силу, являлась христианская религия. Если «Византийский Аноним VI в.», предшествующий «Стратегикону» приблизительно на полустолетие, практически нейтрален к вопросам религии, то в трактате Маврикия религиозному воспитанию воинов уделяется перво-степенное значение. Последующая военно-теоретическая традиция находится в этом отношении под сильным влиянием «Стратегикона»⁷¹.

Заключая анализ доктринальных воззрений автора «Стратегикона», обратим внимание на некоторые новые черты в трактовке им конечной цели военной кампании. В греко-римской военной традиции сложилось представление о том, что эта цель может состоять либо в захвате определенной территории, либо в овладении военной добычей и пленными; в свою очередь эти результаты достигаются нанесением поражения живой силе противника. Именно в отношении последнего пункта концепция Маврикия имеет заметные отличия от взглядов его предшественников по жанру.

Еще со времен Фронтинана в античной военной науке была сформулирована так называемая теория «золотого моста» для разбитого неприятеля. Ее суть заключается в том, что разгромленного в сражении врага не следует лишать возможности для спасения бегством, — напротив, нужно создать ему для этого все условия. Логика рассуждений здесь была предельно проста: если запереть неприятеля со всех сторон и лишить его всякой надежды на отступление, это может сплотить его перед лицом смертельной опасности, а в состоянии отчаянного безрассудства он может проявить массовый героизм и самопожертвование. Напротив, если остается хоть малейшая возможность спасения жизни, то присущий людям эгоизм сыграет свою разлагающую роль, вызовет разобщение среди неприятелей, и в этих условиях откроется возможность нанести им еще больший урон ценою меньших затрат собственных сил. Следовательно, идея «золотого моста», при всей ее внешней гуманности, была целиком основана на жестокости и вероломстве.

Принципы этой теории Маврикию хорошо известны, и ряд его указаний полностью лежит в их русле. Взяв многолюдный город, нужно приказать немедленно отворить все ворота, предоставив большей части жителей возможность свободно уйти, а не

приводить их в ожесточение от отчаяния; так же следует поступить и при взятии неприятельского лагеря⁷². При совершении ночного нападения рекомендуется атаковать противника с двух или с трех сторон, смотря по условиям местности, но ни в коем случае не со всех четырех, чтобы противник не только не сплотился, а, напротив, рассеялся, получив возможность для бегства⁷³.

Важно подчеркнуть, что в указанных случаях речь идет о частной операции, об отдельных военных эпизодах. Когда же дело касается генерального сражения, решающего судьбу всей военной кампании, Маврикий формулирует идеи, существенно противоречащие теории «золотого моста». При благоприятном исходе сражения, указывает он, не следует довольствоваться только отбрасыванием врага. В корне неправы те, которые руководствуются правилом: «побеждай, но не до конца» («*ника каи те урегника*»), — нужно преследовать неприятеля до его окончательного уничтожения. Если он заперся в укрепленном пункте, нужно взять эту крепость штурмом или измором и завершить кампанию либо полным разгромом врага, либо продиктованным ему мирным договором, максимально благоприятным для империи. Ведь и на охоте, прибегает Маврикий к образному сравнению, то, что не доведено до конца, равносильно незавершенному⁷⁴.

Отмеченные моменты чрезвычайно характерны для общей оценки доктринальных воззрений автора «Стратегикона». С точки зрения прочности и жизнеспособности социальной базы военная организация, обрисованная в трактате, не имела себе равных во всей истории империи, и это ее состояние вполне отчетливо осознавалось господствующей идеологией. Военная доктрина, отраженная в «Стратегиконе», не только определила более прогрессивные принципы военного строительства, но и сформулировала те новые, более кардинальные требования, которые она имела основание выдвинуть перед военной организацией империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 340.

² Там же, т. 30, с. 93.

³ Там же, т. 32, с. 79.

⁴ См.: Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1957, т. 2, с. 8.

⁵ См., напр.: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, т. 40, с. 50—53; Он же. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики. — ВВ, 1982, т. 43, с. 45—49.

⁶ См. об этом: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки. — Византийские очерки. М., 1977.

⁷ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, IV, 2. — In: Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Taktiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855, p. 56 (далее — Anonymus).

⁸ Anonymus, VI, 5, p. 58—60.

- ⁹ Ibid., V, 3, p. 56; XLII, 3, p. 188.
- ¹⁰ Ibid., XX, 1, p. 120; XXVI, 6, p. 138.
- ¹¹ Ibid., VI, 4, p. 58.
- ¹² См.: **Платон**. Соч. М., 1972, т. 3, ч. 2, с. 90: «А ведь самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда...»
- ¹³ Leonis Imperatoris Tactica.— PG, 107, 1863, XVII, 1, col. 913 В. Концепция перманентной войны также восходит к Платону.— См.: **Платон**. Соч., т. 3, ч. 2, с. 86: «...то, что большинство людей называют миром, есть только имя; на деле же от природы существует вечная непримиримая война между государствами».
- ¹⁴ **Платон**. Соч., т. 3, ч. 2, с. 283.
- ¹⁵ **Ренат Флавий Вегеций**. Краткое изложение военного дела, кн. 3, введение.— ВДИ, 1940, № 1, с. 256.
- ¹⁶ Strategicon, VIII, 2, 60.— In: Das Strategikon des Mauricius.— Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981, p. 290.
- ¹⁷ Ibid., V, 3, p. 210.
- ¹⁸ Ibid., V, 2, p. 210.
- ¹⁹ Ibid., I, 6—8, p. 92—100.
- ²⁰ См. об этом: **Кучма В. В.** Nomos stratioticos (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права).— ВВ, 1971, т. 32.
- ²¹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.
- ²² Strategicon, VIII, 2, 14—15, p. 280.
- ²³ Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. I.; N. Y., 1923, IX, 2—3, p. 406—408; X, 1, p. 408 (далее — Onasander).
- ²⁴ Strategicon, X, 3, p. 344.
- ²⁵ Ibid., VIII, 1, 2—3, p. 268—270.
- ²⁶ Ibid., VIII, 2, 96, p. 298.
- ²⁷ Ibid., VIII, 2, 27, p. 282.
- ²⁸ **Фронтин Секст Юлий**. Стратегемы, IV, 1, 17.— ВДИ, 1946, № 1, с. 273.
- ²⁹ Onasander, II, 2, p. 386.
- ³⁰ Strategicon, VIII, 2, 35, p. 284.
- ³¹ Ibid., VIII, 1, 3, p. 268.
- ³² Ibid., VIII, 1, 1, p. 268.
- ³³ Ibid., VIII, 1, 4, p. 270.
- ³⁴ Ibid., VII A, 4, p. 232—234.
- ³⁵ См., напр.: **Zástěrová V.** Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; **Удальцова З. В.** Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия.— СВ, 1969, вып. 32, с. 61—76; **Она же.** Идеино-политическая борьба в ранней Византии. (По данным историков IV—VII вв.) М., 1974, с. 295—318; **Кучма В. В.** Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов.— В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 4—15.
- ³⁶ Strategicon, I, 2, p. 78.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Ibid., p. 82.
- ⁴⁰ Ibid., p. 80.
- ⁴¹ Ibid., II, 1, p. 110.
- ⁴² Ibid., IV, 3, p. 196.
- ⁴³ Ibid., I, 1, p. 74—76.
- ⁴⁴ Ibid., XII B, 4, p. 420.
- ⁴⁵ Ibid., XII B, I, p. 418.
- ⁴⁶ Ibid., p. 420.
- ⁴⁷ Ibid., VI, 1—4, p. 218—222.
- ⁴⁸ См.: **Платон**. Соч., т. 3, ч. 2, с. 91; т. 3, ч. 1, с. 271.
- ⁴⁹ Strategicon, XI, 4, p. 374.
- ⁵⁰ Ibid., XI, 1, p. 354.
- ⁵¹ **Кучма В. В.** «Стратегикос» Онасандра..., с. 50—51.
- ⁵² Strategicon, VIII, 1, 33, p. 276.

⁵³ Ibid., VIII, 2, 52, p. 288.

⁵⁴ Ibid., VIII, 1, 37, p. 276.

⁵⁵ Ibid., VIII, 2, 36, p. 284.

⁵⁶ Ibid., VII B, 11, p. 252.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibid., IX, 1, p. 304.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Примером подобных действий является рекомендация Маврикия по поводу захваченных у неприятеля пленных: связанных, их следует выставить с той стороны походной колонны, откуда ожидается неприятельское нападение; пользуясь ими как живым прикрытием, можно вести стрельбу по противнику, не подвергаясь риску ответного обстрела. Если ромейское войско окажется в критическом положении, его безопасность может быть куплена у неприятеля ценою освобождения пленных. Если же враг откажется от таких условий, пленные должны быть уничтожены на виду у вражеского войска.— Strategicon, IX, 4, p. 324—326.

⁶¹ Ibid., VIII, 1, 31, p. 274.

⁶² Ibid., VIII, 2, 17, p. 280.

⁶³ Ibid., VIII, 2, 80, p. 294.

⁶⁴ Ibid., VIII, 2, 50, p. 288.

⁶⁵ Ibid., VII B, 11, p. 252.

⁶⁶ Ibid., VII A, 6, p. 234; VII A, 15, p. 242; VII B, 16, p. 262.

⁶⁷ Ibid., II, 6, p. 124.

⁶⁸ Ibid., XII B, 7, p. 424.

⁶⁹ Ibid., I, 8, p. 98.

⁷⁰ Лингвистические проблемы «Стратегикона» рассматривались: **Zilliacus H.** Zum Kampf der Weltsprachen in Oströmischen Reich. Helsingfors, 1935; **Reichenkron G.** Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern.—BZ, 1961, 54; **Mihaescu H.** Les éléments latins des «Tactica — strategica de Maurice.—Urbicius et leur écho en néo-grec.—RESEE, 6—7, 1968—1969; **Mihaescu H.** Les termes de commandement militaires latins dans le Strategicon de Maurice.—Revue de Linguistique, 1969, 14.

⁷¹ Подробнее см.: **Кучма В. В.** Византийские военные трактаты..., с. 74—75.

⁷² Strategicon, VIII, 1, 25, p. 274.

⁷³ Ibid., IX, 2, p. 210.

⁷⁴ Ibid., VII B, 12, p. 254.

В. А. СМЕТАНИН
Уральский университет

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ И «ДЕКОНКРЕТИЗАЦИЯ» (на примере эпистолографии)

Историка всегда волнует вопрос — как объективно оценить значимость источника. В том случае, если исследователь имеет дело с активным материалом, например византийскими описями-практиками, содержащими обильные фактические сведения, этот вопрос не получает острого звучания. Гораздо сложнее ситуация становится при обработке легислативных памятников, когда появляется необходимость установить, в какой степени зафиксированные нормы права отражают реальную историческую дей-